

Ольга Черенкова

Полемика в Русской церкви первой трети XVI столетия об отношении к еретикам

Первая треть XVI века отмечена в истории Русской православной церкви острыми спорами между двумя богословско-практическими течениями, представленными с одной стороны Вассианом Патрикеевым и заволжскими старцами, с другой — Иосифом Волоцким и митрополитом Московским Даниилом. Опираясь на последние аналитические исследования, автор реконструирует одно из направлений этих споров — полемику об отношении церкви к еретикам, которая поставила вопрос об ответственности пастьрей (в том числе епископов и митрополита) за обращение еретиков, за их мучения и смерть, за страдания простых христиан. В результате победы «иосифлян» и вынужденного прекращения полемики поднятая ею проблема не была разрешена. В то же время сама эта полемика показала, что путем ее решения является приведение практики жизни церкви в соответствие с евангельскими нормами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: полемика, еретик, смертная казнь, Иосиф Волоцкий, Вассиан Патрикеев, митрополит Даниил, кормчая.

Памяти А. И. Плигузова

Внимание исторической науки постоянно привлекает период быстрого перехода Московского княжества от раздробленности и подчиненности к централизации и самостоятельности, как государственной, так и церковной. Резкий поворот в жизни церкви и общества и потому непрожитость определенных этапов привели к проблемам, вставшим перед церковью в XV–XVI вв. и отразившихся на ее дальнейшей истории.

Своеобразной чертой первой трети XVI столетия была широкая внутрицерковная полемика, по отношению к которой еще нет единого мнения, основанного на последних источниковедческих данных и принятого современной исторической наукой. Из всего спектра обсуждавшихся проблем нами выделен вопрос об отношении к еретикам, который, как правило, является сопутствующим в исследованиях полемики о монастырском землевладении.

Сама же полемика рассматривалась с точки зрения борьбы партий и группировок, в том числе церкви и государства. Также практически отсутствовали попытки увидеть ситуацию с позиции Предания Церкви и рассмотреть ее богословский аспект. Самостоятельному рассмотрению вопроса в данной статье способствовало расширение и уточнение источниковедческой базы в работах Н. А. Казаковой [*Казакова*], Ю. В. Анхимюка [*Анхимюк*] и А. И. Плигузова [*Плигузов. «Книга на еретиков»*; *Плигузов. Poleмика*; *Плигузов. Противостояние*].

Обращаясь к первой половине XVI века, мы стремились показать не только как разворачивалась полемика об отношении к еретикам, но и на каких основаниях (богословских, канонических и др.) она строилась, насколько опиралась на Писание и Предание Церкви, какие средства допускались для ограждения церкви от еретических воззрений. Нам важно было увидеть, как в первое столетие своей автокефалии Русская церковь решала задачу, стоявшую перед христианской церковью на протяжении всей ее истории: оградить себя от искажений веры, сохраняя единство ортодоксии и ортопраксии.

Первый этап церковной полемики по вопросу об отношении к еретикам (1500–1510-е годы)

Во второй половине XV века на Руси шли споры о вере, о которых мы знаем в связи с так называемым «движением жидовствующих». Нам сейчас не столько важны их взгляды, сколько тот факт, что в обществе достаточно широко циркулировали суждения, искажавшие основы христианской веры. И церковь была поставлена перед необходимостью защищать и объяснять веру правильную. После Московского собора 1505 г. прп. Иосиф Волоцкий завершил десятисловную редакцию «Книги на еретиков», в которой от лица церкви дал ответ на содержащиеся в еретических суждениях искажения богословских вопросов. То, что прп. Нил Сорский переписывал книгу Иосифа Волоцкого, можно рассматривать как ее церковную рецепцию [*Плигузов. «Книга на еретиков», 100*]. Начиная с 1487 г., тогда же, когда создавалась «Книга на еретиков», шли преследования так называемых «жидовствующих», обвинявшихся в ереси. В 1505 г. в Москве по решению вышеупомянутого собора были сожжены в клетки 15 человек (перед казнью часть из них исповедовала православную

веру). Остальные были разосланы в заключение по монастырям. Так в Русской церкви впервые была нарушена ее традиционная практика по отношению к еретикам: никогда ранее их не подвергали лютой, т. е. смертной, казни. В 1504–1505 гг. Иосиф Волоцкий обосновывает новую практику отношения церкви и государства к еретикам в «Слове об осуждении еретиков»: «...не токмо осуждати (их), но и проклинати и казнем лютым предавати» [*Иосиф Волоцкий. Послания, 486–498*].

После смерти прп. Нила Сорского в 1508 г. в Москву возвращается Вассиан Патрикеев. Боярин и государственный человек, в 1499 г. он был сослан великим князем Иваном III в Кирилло-Белозерский монастырь, где был пострижен в монахи. Там Вассиан встретился с живущим в скиту Нилом Сорским и под его руководством приобрел богословские знания и опыт иноческой жизни. Поселившись в Симоновом монастыре, он быстро становится влиятельным лицом при дворе уже Василия III и ходатайствует перед ним о томящихся по монастырям еретиках. Несмотря на нападки Вассиана на Иосифа и всю Волоцкую корпорацию, полемики между ними не было, так как великий князь запретил Иосифу отвечать Вассиану. В 1511 г. митрополитом московским и всея Руси становится Варлаам — человек действительно достойный митрополичьего сана. Эта перемена породила надежду на освобождение не упорствовавших в своих убеждениях еретиков, и встал вопрос: как поступать с кающимися и не кающимися еретиками?

Иосиф Волоцкий в том же году ответил на него в послании [*Иосиф Волоцкий. Послания, 229–232*] к Василию III: покаянию еретиков верить нельзя, а значит, нельзя освобождать их и возвращать в лоно церкви. «И который въсхощет покаяться, ино ему возможно и в темнице каятися», — писал он еще за шесть лет до этого [*Иосиф Волоцкий. Послания, 179*]. Кроме того, он требовал начать розыск еретиков у заволжских старцев. Вассиан Патрикеев сумел отстоять заволжцев, но изменить судьбу кающихся еретиков ему не удалось. Отношения между Кирилло-Белозерской и Волоцкой корпорацией обострились. Из послания Иосифа Волоцкого к В. А. Челядину (1512 г.) мы узнаем об устных нападках Вассиана Патрикеева на Иосифа и его постриженников. Но гораздо серьезней устных обвинений была «та-традка» Вассиана, за которой Иосиф послал в Москву, а затем внимательно ее изучил.

ПЕРВЫЙ ДОКУМЕНТ ПИСЬМЕННОЙ ПОЛЕМИКИ: СЛОВО
НА «СПИСАНИЕ ИОСИФА» ВАССИАНА ПАТРИКЕЕВА

«Татрадка», написанная между июлем 1511 и июнем 1512 года [Плигузов. *Полемика*, 79], начиналась словами: «Списание Иосифа, игумена своего монастыря, иже на Волоце» [Анхимюк, 140–145]. «Списание (имя рек)» означает изложение взглядов этого лица. Данное «списание» опирается более всего на «Слово об осуждении еретиков» Иосифа Волоцкого. В нем Вассиан Патрикеев выделяет единственный, важнейший для него тезис: «Единожды есть, еже грешника или еретика молитвою убити и еже рукою убити, то же пред Богом» [Иосиф Волоцкий. *Об осуждении*, 495]. Затем следуют приведенные Иосифом подкрепляющие этот тезис примеры, в основном из Ветхого завета. «Противу сему» Вассиан предлагает «евангельская и апостольская глаголы». Опираясь на Священное писание, он выступает в защиту осужденных, казненных и непомилованных. Вассиан снова и снова возвращается к словам: «Милости хочу, а не жертвы»^{*1}; цитирует принципиально важные слова из Евангелия о различении духов: «Не веста, коего духа еста вы»^{*2} и об отношении к гибели людей: «Сын бо человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти»^{*3}. Завершаются размышления притчей о плевелах и пшенице^{*4}, о суде Божьем, а не человеческом [Анхимюк, 142], и подкрепляются примерами того, как святые обращали к истинной вере отступивших от апостольской церкви еретиков или иудеев с помощью ласки, слез и молитв. Он утверждает, что необходимо верить покаянию. А сожжение «еретиков», исповедовавших перед смертью Христа, приравнивает к крещению мучением и кровью [Анхимюк, 144].

В конце «Списания» Вассиан Патрикеев обвиняет Иосифа Волоцкого в наватовой¹ ереси и человеконенавистничестве, в ступничестве от жизни по Евангелию.

Суровые обличения, содержащиеся в Слове на «Списание», требовали быстрого и энергичного отклика. Уже между второй

*1 Мф 5:24

*2 Лк 9:55

*3 Лк 9:56

*4 Мф 13:24–30

1. В истории церкви (III в.) существуют две фигуры, имевшие противоположные взгляды на прием в церковь христиан, отпавших от нее во время гонений: Новат (или Нават) и Новациан. Новат из Карфагена считал, что нужно принимать всех, не требуя покаяния. Новациан в Риме принимал отпавших только через перекрещивание. Каждый из них составил свой раскол. Новат был осужден на Карфагенском соборе в 251 году. Впоследствии он присоединился к Новациану и деятельно способ-

ствовал отделению раскольников от Римской церкви. Возможно, из-за такой активной деятельности Новата в Риме уже в IV в. свт. Григорий Богослов называет взгляды новациан «новатовыми правилами». Это же объединение двух исторических фигур в одну перешло в Пандекты Никона Черногорца (Слово 52) [Никон Черногорец], а оттуда уже к Вассиану Патрикееву.

Иосиф Волоцкий, как и Новациан, защищал веру от лица церкви. Борясь за ее чистоту, он отказы-

половиной июня и началом июля 1512 года [Плигузов. *Полемика*, 75] Василий Андреевич Челяднин получает от Иосифа Волоцкого протестующее послание [Иосиф Волоцкий. *Послания*, 227–228]. Волоцкого игумена не волнуют обвинения в немилосердии и человеконенавистничестве. Яростный протест вызывают обвинения в ереси Навата и отступничестве, которые он понимает как отступление от догм веры.

Вассиан имеет в виду другое: он уравнивает в значимости исполнение новозаветной любви к ближним и к врагам с правильным исповеданием христианских догм.

ОЦЕНКА ВОЛЖСКИМИ СТАРЦАМИ ВЗГЛЯДОВ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

В написанном в те же годы «Ответе Неизвестного», вероятный автор которого — заволжский старец Герман Подольный, также звучит осуждение Иосифа, и в первую очередь его отношения к человеку. Не к еретику и отступнику, а к человеку вообще: к брагу, или к грешному и погибшему, или даже к врагу. Общая тональность письма заставляет вспомнить творения прп. Нила Сорского, а также слова самого Германа Подольного: «Нам судити не подобает никого — ни верни, ни неверни, но подобает молитися о них, а в заключение не посылати» [Жмакин. *Нил Полев*, 187].

Итак, в первый период полемики (десятые годы XVI в.), в противоположность жесткой позиции Иосифа Волоцкого по отношению к еретикам, Вассианом Патрикеевым и Германом Подольным был поднят широкий круг вопросов, связанных с христианским отношением как к еретикам и грешникам, так и к человеку вообще. Такая постановка вопроса не нашла отклика в противоположном лагере, отзывавшемся лишь на отдельные выпады оппонентов. В этот период вырисовывается поляризация позиций Заволжских старцев и Волоцкой корпорации, но равновесие между ними еще сохраняется.

вался верить покаянию грешников и возвращать их в лоно церкви, добываясь смертной казни еретиков, чего никогда не делал Новациан. Иосиф не отделялся от церкви, но круг «нечистых» у него постоянно расширялся: «жидовствующие», их заступники, не доносящие на еретиков и, наконец, монахи из заволжских скитов. Отбросив «нечистых», видим только Иосифа и его сторонников (что аналогично «чистым» Новациана) и, таким образом, тенденцию к расколу. Никон Черногорец

(в том же Слове 52) говорит о «бесчеловечестве» Навата и о том, что он был с иными еретиками, где под ересь понимается раскол, извержен из сана и проклят богоносными отцами. Это означало, что не только изоляция от церкви, но и бесчеловечность была так же чужда церкви, как и догматические ереси, которых новацианство в себе не имело.

После смерти Иосифа Волоцкого в 1515 г. защиту Волоцкой корпорации берет на себя новый игумен Даниил Рязанец. В 1522 г. он становится митрополитом Московским и всея Руси.

Второй этап полемики об отношении к еретикам (1520-е годы)

ОБСУЖДЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К ЕРЕТИКАМ В «СЛОВЕ ОТВЕТНОМ ПРОТИВУ КЛЕНУЩИХ ИСТИНУ ЕВАНГЕЛЬСКУЮ»

В 1520-е годы вокруг монашеского «обещания» велись самые жаркие споры. Вопрос об отношении к еретикам и грешнику и к человеку вообще продолжал остро обсуждаться наряду с вопросом о монастырских селах.

«Слово ответно противу кленущих (или: клеветующих) истину евангельскую» [Казакова, 254–271], целиком посвященное теме «обещания», является частью живой полемики по этому вопросу. В настоящее время считается бесспорным, что «Слово» обращено к митр. Даниилу и написано Вассианом Патрикеевым между весной 1523 и декабрем 1524 г. [Плигузов. *Полемика*, 91–92].

Сразу после вступления автор обращается к адресату с вопросом, где в евангельских и апостольских преданиях «велено иноческому житию преизобилие стяжаний», а именно «села многонародна стяжавати и порабоцати христиан» [Казакова, 255]. С этого момента вопрос о стяжании (и о его осуждении) тесно связан с вопросом о «порабощении христиан». Автор «Слова» прекрасно осведомлен обо всем, что творится в монастырских селах. Крестьян оскорбляют и подвергают несправедливым истязаниям, за долги отнимают имущество, иных передают во власть князя «истреблению конечному подложихом». Его глубоко возмущает уловка, когда истязание должника не внутри, а вне монастыря уже не почитается за грех. Вассиан обвиняет Даниила: «Ныне же предстоящей... о погибающих христианах, братии, мразом и гладом ни едино творят попечение» [Казакова, 268] — и приходит к выводу, что нарушение иноческого обета коренится в отношении к другому человеку: христианину, крестьянину, зависимому и нищему. В стяжании самое страшное то, что оно приводит к результатам, перечеркивающим заповеди Христа. Он говорит об этом с болью «от духовныа и любве и утроб братолюбивых, а не от гордости и ненависти» или «излишнего любопрения» [Казакова, 262].

Разговор о еретиках является продолжением темы монашеского обещания и христианского отношения к человеку. Взгляды

Вассиана опираются на евангельскую притчу о плевелах и пшенице и на ее толковании Златоустом, который делает вывод: «От тех же плевелех многим мощно прелагаться и быти пшеницы» (т. е. речь идет о приведении к покаянию и обращении еретиков) и «не подобает убо убивати еретика» [Казакова, 270]. Но это не означает, что еретикам, противоборствующим Христовой церкви, не нужно оказывать сопротивление.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ
К ЕРЕТИКАМ В «СЛОВЕ О ЕРЕТИЦЕХ ОТ СВЯТОГО ПИСАНИЯ»
ВАССИАНА ПАТРИКЕЕВА

К первой половине двадцатых годов XVI в. относится также «Слово о еретицех от святого писания» Вассиана Патрикеева [Плигузов. *Полемика*, 272–274]. В отличие от «Слова ответна», и сам Вассиан, и его современники рассматривали «Слово о еретицех» как важное произведение юридического характера: оно было включено Вассианом в окончательную редакцию его «Кормчей». «Слово» специально посвящено вопросу об отношении к еретикам «кающимся волею или неволею» и «непокаряющимся и насилующим церкви боžia». На основании евангельской притчи о пшенице и плевелах (Мф 13:24–30) и 25-го и 26-го Слов Никоновской книги (толкование данной притчи Златоустом) [Никон Черногорец], а также «по святых отец правилом», автор излагает выводы, вытекающие из этих текстов, и подтверждает их церковными канонами.

По отношению к еретикам, «насилующих на святых боžia церкви» и «непокаряющихся правилом святых отец», вывод тот же, что и в «Слове ответном», — их следует отлучать от церкви и подвергать наказанию (имеется в виду обычная практика наказаний): «Обращающихся и приходящих на покаяние волею или неволею принимати подобает» [Казакова, 273]. По 52-му и 58-му правилам святых апостолов, а также по 121-му и 123-му правилам Карфагенского собора церковные пастыри должны нести наказание за необращение еретиков «леностию, или нерадением, или грубостью, или по коему любоковарству», их полагается извергнуть из сана.

Далее следует отдельный разговор о том, чтобы «еретиков казнити лютыми казнми, убивати». Прежде всего, утверждает Вассиан, те, кто стоит за смертную казнь, привносят это из «ветхого закона» в «новый закон Христов». Но из «ветхого закона», подчеркивает он, принимается только то, что вошло в Евангелие. Однако ни в Евангелиях, ни у апостолов, ни в правилах вселенских

и поместных соборов этого нет. «Оружием убивати» — не от святых Писаний, а «от царьского повеления и от человеческого се обычая бывает». И такого обычая он не принимает. Более того, по правилу святых апостолов пастырь, даже один раз ударивший «верна или неверна съгрешающе», должен быть извержен из сана.

В стане митр. Даниила в этот период отношение к еретикам наоборот ужесточается: евангельские нормы отношения к человеку не принимаются ими во внимание.

Следует отметить, что двадцатые годы XVI в. были также временем деятельной подготовки обеих сторон к следующему этапу полемики.

Третий этап полемики (1531 год)

ПРОТИВОСТОЯНИЕ «КОРМЧИХ» ВАССИАНА И ДАНИИЛА ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ К ЕРЕТИКАМ

К 1531 году третья, последняя редакция «Кормчей» Вассиана Патрикеева уже была положена в великокняжескую казну, а в митрополичьей канцелярии заканчивалась работа над кормчей митр. Даниила («Сводной кормчей»). Новые правовые кодексы создавались на основе одних и тех же традиционных кормчих книг, но были противоположны по всем основным позициям [Плигузов. *Полемика*, 177; Клосс, 68; Плигузов. *Противостояние*, 23–68]. Каноническое противостояние вассиановских схолий и трудов митр. Даниила ярко проявилось в рассмотрении вопроса об отношении к еретикам. Позиция Вассиана Патрикеева, выраженная в «Кормчей», совпадает с выводами его «Слова о еретицех».

Позиция «Сводной кормчей» совпадает с «Осьмым словом» Даниила [Жмакин. *Митрополит Даниил*, 406–424] и перекликается с 15-м и 16-м словом «Просветителя» [Иосиф Волоцкий. *Просветитель*, 343–370]: преследование еретиков и наказание еретиков законно. Это долг как светской власти, так и церкви. Смертная казнь при определенных условиях законна (есть подбор свидетельств о дозволенности смертной казни); всякий христианин должен испытывать по отношению к еретiku только чувство «совершенной ненависти» и проявлять «праведную ярость», которая сводится к неопределенным репрессивным мерам. Никакая связь с еретиками не допускается.

Рассмотрение только одного пункта кормчих показывает, как велико было напряжение между полюсами церковной жизни. Такая ситуация не могла продолжаться слишком долго.

СУДНОЕ ДЕЛО ВАССИАНА ПАТРИКЕЕВА НА СОБОРЕ 1531 ГОДА²

Осуждение Вассиана Патрикеева, Максима Грека и близких к ним лиц на соборе 1531 г. было весьма громким церковным и политическим событием. Судебный процесс разворачивался по сценарию суда над прп. Максимом Греком 1525 года.

«Кормчая» Вассиана должна была стать главной уликой против него. Очевидным признаком ее «неправильности» Даниил представил тематическое расположение материала, в отличие от хронологического в митрополичьей «Кормчей». Таким образом, митрополит пошел на явное нарушение сложившейся русской традиции, ставя под сомнение вассиановскую редакцию законной книги, имеющую к тому же благословение малого собора.

Следующее, сильное и лично важное для Даниила обвинение связано с монастырскими селами. «Во Евангелии написано, не велено сел монастырем держати», — говорит Вассиан. Возражения Даниила вполне весомы. Но Вассиан возвращается к контексту разговора о селлах, т. е. к вопросу о монашеском «обещании». Даниил приводит достойные примеры содержания сел при монастырях, на что Вассиан отвечает: «Те держали селла, а пристрастия к ним не имели». Таким образом, отсутствие монастырских сел, о котором печется Вассиан, не цель, а средство для исполнения монашеского обета [Казакова, 287–292]. Вспоминает о монашеском «обещании» и митрополит, чтобы поставить в вину Вассиану «отступников». Как в свое время Иосиф Волоцкий, Даниил упорно не желает видеть, что Вассиан называет отступником того, кто отступил от обета жизни по Евангелию.

Вопрос об отношении к еретикам суд не затрагивал. Зато сам защитник еретиков был обвинен в ереси монофизитства. Вассиан не отрекался от того, что верует в нетленную и до Воскресения плоть Христа. В ответ на это митр. Даниил заключает: те, кто так считает, «не исповедают человеческого естества цела быти в Нем» [Казакова, 298]. Заметим, что современник споров о тленности и нетленности плоти Христа Леонтий Византийский полагал, что отцы церкви не решили этого вопроса. Церковный историк А. В. Карташев отмечал,

2. См.: [Казакова, 285–318].

что спор этот заражал православных желанием искать ответы на изощренные вопросы. Он также считал, что «вопрос теоретически был недоуяснен. И это оправдывает его постановку» [Карташев, 372]. Таким образом, представление Вассиана Патрикеева могло быть непреднамеренной догматической ошибкой, а не монофизитством. Неизвестно, содержался ли ответ Вассиана в судебном деле. Возможно, он был, и поэтому окончание судебного дела отсутствует.

С Вассианом обошлись как с упорствующим еретиком. После суда он был заключен в Иосифо-Волоцкий монастырь. Даниил поступил с ним так, как предписывал сам Вассиан: злостных еретиков отсылать в заточение, чтобы они не могли распространять свою ересь. Сохранилось письмо митр. Даниила в Иосифо-Волоцкий монастырь о том, как содержать там Максима Грека после суда 1525 года. В нем узнику предписывалось в полном одиночестве «в молчании сидеть и каяться в своем безумии и еретичестве» [Покровский, 55]. Вряд ли предписание о Вассиане было иным, ибо, по словам Курбского, иосифляне «умориша его вскоре» [Курбский, ст. 164].

Расправа над Вассианом Патрикеевым означала конец полемики и внутрицерковного противостояния, окончательный перевес сил в пользу иосифлян и выбор церковью соответствующего пути развития.

Надо сказать, что линию Вассиана Патрикеева приняло и продолжило следующее поколение «нестяжателей». Она сохранилась в Русской церкви несмотря на то, что восторжествовала жесткая позиция и полемика фактически прекратилась.

Реконструкция полемики об отношении церкви к еретикам в первой трети XVI столетия позволяет сделать вывод, что она являлась самостоятельным направлением (единственным, имевшим богословский аспект) и одновременно неотъемлемой частью полемики о церковной жизни в целом. Дискуссия о еретиках ставила перед церковью острые и актуальные вопросы:

- допускается ли смертная казнь упорствующих еретиков;
- несут ли пастыри ответственность за обращение еретиков и возможно ли их возвращение в церковь после покаяния;
- допустимо ли служение и даже пребывание в церкви тех, кто повинен в мучениях и смерти как еретиков, так и простых христиан.

Стороны, участвовавшие в полемике, давали обоснованные, но диаметрально противоположные ответы. Богословская сторона полемики была связана с тем смыслом, который вкладывали ее участники в само понятие ереси. Иосиф Волоцкий и его

сторонники рассматривали ересь исключительно как отклонение от формул христианских догматов. Вассиан Патрикеев включал в это понятие и отклонение от ортопраксии, что соответствовало святоотеческой традиции.

Вопросы догматического характера поднимались в связи с обвинением в новатовой ереси и отступничестве Иосифа Волоцкого и с обвинением в монофизитстве Вассиана Патрикеева. В обоих случаях вряд ли мы имеем дело с ересью: в первом скорее была тенденция к расколу, во втором — непреднамеренная богословская ошибка.

Та и другая сторона прибегала к Священному писанию как основанию для своих утверждений. У иосифлян акцент был сделан на Ветхий завет в ущерб Новому. Заволжцы и Вассиан Патрикеев строили свои выводы на основании Нового завета и достаточно редко прибегали к Ветхому. Те и другие активно обращались к святоотеческому преданию, но отбор материала и выводы были различны. Каноническое предание церкви являлось основой для создания как «Кормчей» Вассиана Патрикеева, так и «Кормчей» митрополита Даниила, которые тем не менее приводили к противоположным судебным заключениям. Законническая позиция иосифлян при обращении к церковному преданию привела к грубому нарушению традиции Русской церкви — смертной казни еретиков, возможность которой отстаивалась ими в полемике. Противоположная сторона, опирающаяся на евангельские нормы, боролась за сохранение традиции.

Как в этом, так и в других вопросах иосифлянская сторона не придавала значения единству ортодоксии и ортопраксии, которое защищал Вассиан Патрикеев и его единомышленники. Заметим, что для обеих сторон мотивом участия в полемике было радение о благе церкви. Задача защиты церкви от еретических воззрений решалась участниками полемики традиционными методами. Прежде всего, через правильное богословие — в данном случае это богословский ответ Иосифа Волоцкого на еретические воззрения своего времени и обличения Вассиана Патрикеева и его союзников, а также через полемику, правовые кодексы и ограничительные меры по отношению к еретикам.

Победа иосифлян способствовала тому, что проблема, поставленная полемикой (норма отношения церкви к еретикам, — и шире — к человеку), — не нашла своего разрешения. В то же время полемика показала, что путем ее решения является приведение практики жизни церкви в соответствие с евангельскими нормами и сохранение единства ортодоксии и ортопраксии.

Источники и литература

1. *Анхимюк* = Анхимюк Ю.В. Слово на «Списание Иосифа» — памятник раннего нестяжательства // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. 1990. Вып. 49. С. 115–146.
2. *Жмакин. Митрополит Даниил* = Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. М. : Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1881. 896 с.
3. *Жмакин. Нил Полев* = Жмакин В. И. Нил Полев // Журнал министерства народного просвещения. 1881. № 8.4.216. С. 187.
4. *Иосиф Волоцкий. Об осуждении* = Иосиф Волоцкий. Слово об осуждении еретиков // Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 486–498.
5. *Иосиф Волоцкий. Послания* = Послания Иосифа Волоцкого / Подг. А. А. Зимин и Я. С. Лурье. М.; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1959. 390 с.
6. *Иосиф Волоцкий. Просветитель* = Иосиф Волоцкий. Просветитель. М. : Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993. 382 с.
7. *Казакова* = Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1960. 363 с.
8. *Карташев* = Карташев А. В. Вселенские соборы. М. : Республика, 1994. 542 с.
9. *Клосс* = Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М. : Наука, 1980. 312 с.
10. *Курбский* = Курбский А. История о великом князе московском // Русская историческая библиотека : В 39 т. Т. 31 : Сочинения князя Курбского. СПб. : Археографическая комиссия, 1914. Ст. 161–354.
11. *Никон Черногорец* = Никон Черногорец. Пандекты. Почаев : Тип. Благовещенского м-ря, 1795. 593 л.
12. *Плигузов. «Книга на еретиков»* = Плигузов А. И. «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого // История и палеография : Сборник статей : [В 2 вып.] М. : Издательство Института российской истории РАН, 1993. [Вып. 1.] С. 90–139.
13. *Плигузов. Полемика* = Плигузов А. И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М. : Индрик. 2002. 415 с.
14. *Плигузов. Противостояние* = Плигузов А. И. Противостояние митрополичьей и вассиановской кормчих накануне судебных заседаний 1531 года // Исследования по источниковедению СССР дооктябрьского периода. М. : Издательство Института истории СССР АН СССР, 1985. С. 23–68.

15. *Покровский* = Покровский Н. Н. Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М. : Издательство Главного архивного управления при совете министров СССР, 1971. 181 с.

Olga Cherenkova

The Polemic about the Attitude to Heretics in Russian Church in the First Third of the XVI Century

In the history of the Russian Orthodox church the first third of the XVI century was marked by the sharp arguments between two theological-practical tenors. One of them was represented by Vassian Patrikeev and the elders (startsya) from over the Volga, the other by Iosif Volotskii and the Metropolitan of Moscow Daniil. Guiding by the recent analytical investigations the author reconstructs a part of the arguments, the polemic about the church attitude to heretics, that brought the attention of the church to the responsibility of pastors (including bishops and the Metropolitan) for the heretics' conversation, their torments and death, for the sufferings of the common Christians. As the result of Iosif followers' victory and the forced closure of the polemic, the raised problem was not solved. At the same time the polemic displayed that the way of the solution was bringing the practice of church life in correspondence with its evangelic norms.

KEYWORDS: a polemic, a heretic, death penalty, Abbot Iosif of the Volokolamsk Monastery (Iosif Volotsky), Vassian Patrikeev, Metropolitan Daniil, *kormchaia* = the book of Canons.